

Научная статья
УДК 94(5)
doi: 10.17223/2312461X/50/9

Японисты в поле: первый опыт коллективного полевого исследования Японии в немецкоязычной науке

Наталья Сергеевна Любимова

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,
Москва, Россия, lyubimova@iea.ras.ru*

Аннотация. Представлен анализ проекта Асо (1968–1969 гг.) венской школы японистики как попытки синтеза различных теоретических традиций для создания новой методологии изучения Японии. Венская школа, в противовес доминировавшей филолого-исторической парадигме, изначально позиционировала себя как этнологическая и в послевоенное время также сохраняла близость к этнологии. Рассматриваемый эпизод ее истории представляет собой частный пример поиска новой исследовательской парадигмы после крушения большой теории и в условиях нарастающего теоретического разнообразия. Теоретической основой проекта стало критическое переосмысление двух исследовательских подходов: американских community studies, которые критиковались за неспособность связать микроуровень с макропроцессами, и японских междисциплинарных региональных исследований (Кю:гаккай Рэнго:), очевидным недостатком которых была слабая интеграция результатов между дисциплинами, а также склонность к смелым обобщениям. Проект Асо стремился объединить глубинное изучение локальности по американской модели с японским подходом к региону как к промежуточной единице анализа, добавляя при этом исторический контекст. Однако на практике амбициозный синтез не состоялся. По причине нехватки ресурсов, слабой координации, а также из-за того, что каждый участник следовал своей узкой специализации, результатом проекта стала серия довольно разрозненных микро-социологических, этнографических и исторических работ. Несмотря на неудачу в создании универсальной модели, проект Асо имел огромное символическое значение, став «мифом основания» для венской школы японистики. Он наглядно доказал продуктивность методов социальных наук в изучении японской культуры и нормализовал изучение современности в немецкоязычной японистике. С точки зрения истории антропологии, это пример заимствования антропологических теорий и методов в смежных дисциплинах, который демонстрирует как продуктивность таких заимствований, так и возникающие при этом сложности.

Ключевые слова: история антропологии, немецкая японистика, антропология Японии, исследования села, полевые исследования, Александр Славик, Йозеф Крайнер, Зепп Линхарт

Для цитирования: Любимова Н.С. Японисты в поле: первый опыт коллективного полевого исследования Японии в немецкоязычной науке // Сибирские исторические исследования. 2025. № 4. С. 186–213. doi: 10.17223/2312461X/50/9

Original article

doi: 10.17223/2312461X/50/9

Japanologists in the Field: First Experience of Collective Field Research of Japan in Germanspeaking Social Sciences

Nataliia S. Liubimova

*Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, lyubimova@iea.ras.ru*

Abstract. The article analyzes the “Aso Project” (1968–69) of the Vienna School of Japanology as an attempt to synthesize various theoretical traditions in order to create a new methodology for studying Japan. The Vienna School, in contrast to the dominant philological-historical paradigm, initially positioned itself as ethnological and, in the postwar period, continued to maintain its closeness to ethnology. This episode in its history can be seen as a particular case of searching for a new research paradigm after the collapse of grand theory and amidst growing theoretical diversity. The theoretical basis of the project was a critical rethinking of two research approaches: American community studies, which were criticized for their inability to connect the micro level with macro processes, and Japanese interdisciplinary regional studies (Kyūgakkai Rengō), whose drawback was considered to be weak integration of results across disciplines as well as propensity for generalisations. The Aso Project sought to combine in-depth local studies in the American style with the Japanese approach to the region as an intermediate unit of analysis, while adding the historical context. In practice, however, this ambitious synthesis did not materialize. Due to a lack of resources, weak coordination, and the fact that each researcher pursued his own narrow specialization, the project resulted in a series of rather fragmented microsociological, ethnographic, and historical works. Despite failing to create a universal model, the Aso Project had enormous symbolic significance, becoming a “founding myth” for the Vienna School of Japanese Studies. It clearly demonstrated the productivity of social science methods in studying Japanese culture and normalized the study of contemporary Japan within German-language Japanology. From the perspective of the history of anthropology, this is an example of borrowing anthropological theories and methods into related disciplines, which illustrates both the productivity of such borrowings and the difficulties that arise in the process.

Keywords: History of anthropology, German Japanology, anthropology of Japan, rural studies, field research, Alexander Slawik, Josef Kreiner, Sepp Linhart

For citation: Liubimova, N.S. (2025) Japanologists in the Field: First Experience of Collective Field Research of Japan in Germanspeaking Social Sciences. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 186–213 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/50/9

История антропологии – популярная область исследований, составляющая особую субдисциплину в рамках антропологии¹. Тем не менее бóльшая часть работ и размышлений в её рамках посвящена если не главным тенденциям международного уровня, в основном связанным с англо-американской наукой, то магистральным направлениям в рамках

отдельных национальных школ. Большое внимание уделяется и различным влияниям, которые антропология испытывала со стороны близких ей дисциплин. Однако не менее интересно рассмотреть, какое влияние сама антропология оказывала на соседние области исследований, как проходил этот процесс и насколько успешными оказались его результаты. Эта статья посвящена такого рода случаю взаимодействия антропологии с соседней дисциплиной регионального характера – японистикой – в период поиска новой научной парадигмы в 1960–1970-х гг.

В немецкоязычной научной среде японистика традиционно считается в первую очередь филологической и исторической дисциплиной. На этом фоне заметно выделяется школа японистики, сложившаяся в Венском университете. Её «отцы-основатели», Ока Масао и Александр Славик, изначально ставили себе целью создание института, где велось бы изучение Японии этнологическими средствами. Теоретической базой для этих этнологических исследований Японии служила Венская культурно-историческая школа, тесно связанная с фигурой Вильгельма Шмидта (Любимова 2019). Надо отметить, что немецкая этнология считала себя в первую очередь наукой о бесписьменных народах, а не о «культурных», в число которых входили и японцы. Таким образом, венская японистика изначально стояла на стыке двух мало интересующихся друг другом исследовательских традиций.

Открытие Института японистики произошло в 1939 г., и просуществовал он лишь до 1944 г., причем большую часть времени он функционировал без участия своих создателей: Ока уехал в Японию в 1940 г. и потом уже не смог вернуться, а Славик был призван на военную службу в 1941 г. Возрождение японистики в Венском университете началось в конце сороковых годов в рамках Института этнологии усилиями Славика, а самостоятельный институт был вновь организован лишь в 1965 г. Разумеется, более чем за четверть века, прошедшие между первым и вторым учреждением Института японистики, контекст, в котором происходило это событие, разительно изменился – в том числе и академический – тем не менее, этнология продолжала занимать значительное место в концепции исследований Японии, которую стремился реализовать Славик.

Добившись официального признания своей дисциплины, Славик решил реализовать крупный проект, который воплотил бы его собственные представления о должном изучении японской культуры, задал бы вектор дальнейшей работы института и открыл дискуссию о содержании японистики как дисциплины в немецкоязычной и, шире, европейской науке. Таким проектом стало коллективное полевое исследование, названное «Проект Асо». Венские японисты до сих пор называют проект Асо своим «мифом основания».

В этой статье проект Асо рассматривается как попытка опереться на этнологию/социокультурную антропологию в момент утверждения японистики как самостоятельной дисциплины в Венском университете вопреки сложившийся в немецкоязычном научном мире традиции исследования Японии.

Основная часть полевой работы в Асо была проведена в 1968–1969 гг. Главные результаты проекта представлены в трех томах 1975, 1976 и 1982 гг., вышедших в серии трудов Института.

В 2015 г. Институт (к тому времени уже Институт восточноазиатских исследований) праздновал свой юбилей, к которому был приурочен запуск проекта «Асо 2.0» – с тем, чтобы, с одной стороны, обратиться к своим истокам, а с другой – открыть новую главу в исследованиях японского села. В рамках этого проекта в 2016 г. вышла книга «Асо: прошлое, настоящее и будущее венского исследовательского проекта в сельской Японии» (Асо 2016), в которую наряду с историографическими работами и первыми результатами «Асо 2.0» вошли воспоминания участников первого проекта. Эти тексты, отчасти мемуарного, отчасти аналитического характера, дают представление о многих, часто неформальных обстоятельствах реализации проекта.

Анализируя перечисленные тексты, мы увидим, какие теоретические влияния испытывала венская японистика 60-х гг. XX в., в какой мере сохранялась изначально заложенная в основу Института японистики идея необходимости этнологического изучения Японии и какой облик она приняла на практике.

Венская японистика 1950–1960-х гг.

Славик формировался как исследователь в 1930-е гг. в рамках культурно-исторической школы этнологии Вильгельма Шмидта. Это диффузионистское направление вернулось в австрийскую науку по завершении Второй мировой войны – Шмидт пользовался огромным влиянием вплоть до своей смерти в 1954 г. Однако сразу после его смерти оно было отвергнуто большинством ведущих ученых. Альтернативной всеобщей парадигмы, однако, не появилось, и этнологи находились по большей части в индивидуальном поиске. Со временем все больше проявлялась тенденция сближения с глобализирующейся англо-американской антропологией.

Возрождающаяся японистика в послевоенный период продолжала существовать в тесной связи с этнологией. По окончании Второй мировой войны Славик на несколько лет подвергся денацификации (Linhart 2016: 35). В это время усилия по восстановлению этнологически ориентированного японоведения были предприняты этнологом Вильгельмом Копперсом, который вернулся в Вену из эмиграции в 1945 г. и вновь стал

руководителем Института этнологии. В 1947 г. он настоял, чтобы привезенная Ока из Японии в 1938 г. 4500-томная библиотека Института японистики, которую в военные годы эвакуировали из Вены, была передана Институту этнологии; затем там был организован курс японского языка, который с 1949 г. читал Славик. В дальнейшем Славик развил бурную деятельность по обособлению японистики в отдельную специальность, и в 1954 г. в Институте этнологии было создано Отделение японистики, однако лишь в 1965 г. был организован самостоятельный Институт японистики, а специальность «этнология с особенным интересом к Японии» была переименована в «японистику». Таким образом, до 1965 г. все студенты-японисты были в первую очередь этнологами, что само по себе оказывало огромное влияние на их подготовку и направление развития дисциплины.

Этим венская японистика резко выделялась на фоне других школ японистики в немецкоязычном пространстве. Славик специально во многом сохранял ориентацию на этнологический подход, невзирая ни на потрясения внутри венской этнологии, ни на обретение собственного Института. По его представлениям, важнейшие черты японской культуры обнаруживались в деревне, а не в городе. Сельская культура, как он полагал, представляла собой японскую народную культуру, которую и следовало изучать (Linhart 2016: 38). Это убеждение противоречило мейнстриму в немецкоязычной японистике того времени, который заключался в абсолютном доминировании филологических и исторических методов исследования. Изучалась «высокая» культура Японии, но не культура в широком этнологическом (культурно-антропологическом) смысле. Бруно Левин, ведущий немецкий японист того времени, считал 1868 г., «открытие» Японии, временной границей, после которой японская культура перестала их интересовать (поскольку после 1868 г. началась её европеизация). В свою очередь Славик и его ученики считали важным изучать и современное положение дел. В 1950–1960-х гг. в Вене было само собой разумеющимся, что каждый студент-японист завершал свое обучение диссертацией, основанной на полевом исследовании.

Крайнер, ученик и преемник Славика, упоминает, что тот часто повторял: «Другие японисты всегда смотрят на нас сверху вниз. Мы, этнологи и фольклористы, – изгой» (Kreiner 2016: 57). Славик также высказывался о присвоении филологами терминов «японистика», «корееведение» и «синология» и выражал неудовольствие таким положением дел (Ölschleger 2016: 89).

В итоге Славик замыслил проект-провокацию, который должен был продемонстрировать его видение японистики и доказать его продуктивность – проект Асо. Эта идея зародилась еще в 1959 г., однако в условиях маленького отделения в составе другого факультета венским японистам

он был еще не под силу, и его реализация началась только в 1968 г., спустя почти 10 лет.

Теоретические и методологические основы проекта Асо

Представление о том, какие исследовательские подходы оказали влияние на формирование идеи проекта Асо, дает введение к первому тому серии «отчетных» публикаций (Slawik et al. 1975). В нем помещен историографический обзор, посвященный двум традициям исследований японской сельской местности: американской и японской.

Обзор американской литературы сосредоточен на трудах антропологов, работавших в Японии в 1930–1950-е гг. Главенствующим подходом в этих исследованиях был подход *community studies* – исследований сообществ – порожденный структурно-функционалистским направлением антропологии, которое предполагало холистическое, синхронное описание культуры отдельного сообщества по результатам долгосрочного включенного наблюдения.

Классические работы такого рода – книги Джона Эмбри (1946 (1939)), Эдварда Норбека (1954), Джона Корнелла и Роберта Смита (1956) представляют собой описание сообществ, обозначенных авторами как в той или иной мере «типичные» (по крайней мере, представляющие собой какой-то «тип» сельских сообществ Японии). Эти труды названы «в определенной степени очень информативными», но раскрытываны за то, что они «предложили читателю слишком однородную картину японской сельской культуры, абсолютизируя результаты, полученные на самом низком локальном уровне» (Slawik et al. 1975: 12).

Большого внимания удостоилась монография антрополога Ричарда Бердсли, историка Джона Холла и политолога Роберта Варда «Деревня Япония» (Beardsley et al. 1969 (1959)). Это исследование уже демонстрирует сдвиг от чисто антропологических исследований сообществ в парадигме Рэдклиффа–Брауна и Чикагской школы в сторону мультидисциплинарных *area studies* – региональных исследований. Этот вариант *community studies* предполагал полевые исследования конкретных сообществ, деревень, средствами нескольких дисциплин. Тем не менее все еще подразумевалось, что подобное междисциплинарное исследование отдельного сообщества позволит составить представление о японском обществе в целом (Ölschleger 2016: 93). Однако и в отношении этой работы повторяется та же критика: теоретическая связь микро- и макросоциальных феноменов не была проработана (Slawik et al. 1975: 13), следовательно, не была решена задача получить знания о японском обществе в целом через исследования отдельных сообществ; это влекло за собой вопрос о релевантности таких точечных микроисследований, если их исследовательские кейсы нельзя было назвать типичными или репрезентативными.

В японской науке, утверждается австрийскими авторами, наблюдаются те же проблемы с необоснованными генерализациями, что и в американской. Тем не менее японская наука осознала важность изучения «промежуточного уровня» (Slawik et al. 1975: 13). В связи с этим больше всего внимания во введении уделено описанию японского опыта региональных исследований. Ещё в 1957 г., когда Славик впервые приехал в Японию, Ока познакомил его с текущими исследовательскими проектами. С 1947 г. в Японии действовала объединенная ассоциация девяти научных обществ – Кю:гаккай Рэнго: (далее – Ассоциация девяти наук). В центре этого объединения стояли этнология (Völkerkunde) и физическая антропология (их часто называли нигаккай), постепенно к ним присоединились фольклористы, археологи, психологи, этнологи-музыковеды и др. Эта объединенная ассоциация была создана с целью изучения регионов методами разных наук. Один из их проектов как раз завершился в 1957 г., и Ока поделился со Славиком предварительными результатами, трудностями и ожиданиями (Kreiner 2016: 51).

Японскому опыту уделено несколько страниц. Авторы перечисляют несколько завершенных к концу 1960-х гг. проектов Кю:гаккай Рэнго: и при этом также не скупятся на критику: в первую очередь, «цель совместного развития знания о региональной культуре была сформулирована недостаточно четко, а в некоторых случаях и вовсе упущена из виду» (Slawik et al. 1975: 16), иными словами, принадлежащие к разным дисциплинам участники исследовательских проектов Ассоциации девяти наук работали самостоятельно, не координируясь с коллегами, и их работы не имели между собой внутренней связи.

От американских community studies исследования японских ученых отличались разнообразием используемых методов и фокусом на более крупных пространственных единицах, выходящих за узкие рамки локального деревенского сообщества (Manzenreiter 2016: 113). Австрийские японисты рассматривали эти региональные исследования как промежуточную ступень между исследованиями конкретных деревень и изучением японской культуры в целом (Slawik et al. 1975: 17), шагом «в направлении многократно востребованной, но так и не достигнутой взаимосвязи микро- и макросоциальных явлений» (Kreiner 1990: 393).

Очевидно, что идея междисциплинарности к 1960-м гг. вышла на первый план. И американские, и японские ученые создавали проекты, требующие включения разных гуманитарных и социальных дисциплин.

Нельзя не заметить, какое важное место все еще занимал историзм в глазах венских японистов-этнологов. Славик выделил как значительное достоинство одного из проектов Ассоциации девяти наук «сотрудничество фольклористики и истории, в частности, праистории, которое в остальных проектах совершенно отсутствует» (Slawik et al. 1975: 17). Крайнер тоже сетовал на отсутствие исторического аспекта в трудах

Кю:гаккай Рэнго: (Kreiner 1990: 393). Такое внимание к истории со стороны этнологически ориентированных исследователей можно рассматривать как наследие культурно-исторической школы или, шире, созвучных ей диффузионистских – а значит, исторических и релятивистских – подходов, принятых в довоенной венской этнологии, влияние которых сохранялось еще долгое время, несмотря на их критику и активный поиск новых направлений.

Концепция проекта Асо

Междисциплинарный подход к исследованиям культуры явно нравился Славикю. Он пытался реализовать его еще на этапе подготовки специалистов в рамках своего отделения, а затем и Института. Поскольку студентов-японистов было мало, он хотел максимально использовать их потенциал и устроить так, чтобы каждый студент занимался своим предметом в рамках изучения Японии. Каждый студент представлял одну науку, они должны были не соревноваться друг с другом, а работать вместе с главной целью – внести свой вклад в познание японской культуры (Linhart 2016: 42). При этом Славик обладал такой твердой убежденностью в том, что полевые исследования в японистике абсолютно необходимы, что организовывал учебные полевые выезды по Австрии для всех своих студентов несмотря на то, что некоторые из них не понимали, зачем им уметь исследовать повседневную жизнь, если они занимались, например, древней историей или буддизмом (40–41).

Так же и главная идея проекта Асо заключалась в том, чтобы провести междисциплинарное полевое исследование, учтя при этом недостатки как американских, так и японских работ и добившись лучших результатов.

За счет привлечения нескольких студентов с разными специальностями Славик хотел добиться междисциплинарности и при этом – более тесной интеграции различных дисциплинарных подходов, чем это удавалось ученым из Кю:гаккай рэнго:.. Так же, как в проектах Ассоциации девяти наук, объектом изучения был выбран регион, т.е. по сравнению с американскими исследованиями сообществ область изучения была расширена с деревни, узко определенной местности как общего пространства жизни, на более крупную территорию. При этом, отвечая склонности венских этнологов к историческому подходу, эта территория должна была быть не только четко определена географически, но и могла бы рассматриваться как единое целое в историческом плане: предполагалось обязательное привлечение исторических данных и материалов при описании (и анализе) региона (Slawik et al. 1975: 20; Manzenreiter 2016: 114).

В дополнение к сказанному, выбранный регион должен был быть условно типичным: он не должен был «представлять собой особый случай из общего процесса культурного развития Японии». В нем должна

была определяться «точка кристаллизации в виде системы управления влиятельного семейства, места поклонения или чего-то подобного», чтобы по итогам исследования было возможно «охарактеризовать на региональном уровне социальную структуру от семьи и рода до деревенской структуры и впоследствии сопоставить эти результаты с другими локальными системами или историко-культурным развитием на национальном уровне (great tradition)» (Slawik et al. 1975: 18–20).

Таким образом, Славик надеялся реализовать проект, который, с одной стороны, тщательно учитывал бы достижения микроисследований в духе структурно-функционалистских исследований сообщества, но с другой имел бы более широкий охват и давал бы результаты по целому региону, которые впоследствии могли бы использоваться в сравнительном ключе и работать на лучшее понимание общепонской культуры, т.е. провести ту самую теоретическую связь между микро- и макро-уровнем, за отсутствие которой он критиковал американских антропологов. В целом же, по словам участников проекта, главным ориентиром для него оставались исследования японской Ассоциации девяти наук. Так, Крайнер утверждает, что сама идея этого проекта пришла Славика, когда в 1959 г. он докладывал на одной из конференций о практике и результатах сотрудничества разных «антропологических наук» в Японии (Kreiner 2016: 51). Линхарт же пишет, что Кю:гаккай рэнго: стала для Славика образцом и полевым исследованием, и организации обучения японистов – имеется в виду распределение студентов по разным «вторым» специализациям (Linhart 2016: 39, 42). Крайнер также упоминает, что анкеты, которые они подготовили для интервью, были разработаны на основе анкет, составленных японским антропологом Гамо Масао (ученик и ассистент Ока Масао) в Токийском университете для полевого проекта, спонсируемого Гарвардом, в ходе которого ученые надеялись разработать «что-то вроде региональной структуры японской культуры» (Kreiner 2016: 54).

В качестве места исследования был выбран регион Асо (Кюсю), который, несмотря на свое большое политическое значение с ранней древности, до тех пор практически не привлекал внимания исследователей. Объект исследования – внутренняя территория бассейна вулканического кратера площадью более 370 квадратных километров и его внешние районы. Этот регион был не сообществом, общиной в смысле антропологических исследований сообществ, а скорее административным районом, исторически сформировавшимся и характеризующимся собственной динамикой развития, с центром в ритуальном святилище Асо, одном из древнейших в Японии. Включенное наблюдение не предполагалось – для этого экспедиции были слишком короткими (Manzenreiter 2016: 114). Вместо этого предполагалось, что исследование будет растянуто во

времени и австрийские ученые будут возвращаться в Асо, чтобы фиксировать изменения и проводить новые исследования.

В экспедиционной части исследования приняли участие пять человек: сам Славик (июль–ноябрь 1968 г.), его недавно защитивший диссертацию аспирант Крайнер и студенты Пауэр (декабрь 1968 г. – апрель 1969 г.), Линхарт и Рут Фишер, его жена (февраль–март 1969 г.).

Такой скромный состав сам по себе ставил под сомнение возможность исполнения амбициозной идеи: кроме Славика единственным защитившимся среди участников был 28-летний Крайнер, только что ставший доцентом. В воспоминаниях Линхарт пишет, что одним из мотивирующих факторов для всего проекта Асо был тот факт, что Славик должен был в скором времени оставить свой пост главы Института по возрасту, а у него еще не было преемника. Быстро защитивший диссертацию Крайнер казался наилучшим претендентом, однако для ведущей должности в Институте он был еще слишком молод и неизвестен. Проект Асо должен был сделать ему имя и помочь хабилизироваться. Остальные участники были еще студентами; самый младший из них, Пауэр, в 1968 г. только начал третий семестр обучения, причем первые два семестра он провел в статусе вольнослушателя, а японистика была тогда для него только дополнительной специализацией. А сам Линхарт и его жена Рут Фишер находились в Японии на стажировке, собирая материал для собственных выпускных проектов (Linhart 2016: 37–43).

Кроме того, финансовое положение было крайне сложным – подавая заявку на грант для финансирования проекта, Славик запросил минимальную сумму, чтобы повысить шансы на успех. В результате, как несколько эмоционально пишет Линхарт, даже сам Славик, находясь в Токио до и после поездки в Асо, останавливался не в отеле, а в двухкомнатной квартире, которую снимали Линхарт с женой (Linhart 2016: 41).

Линхарт также отмечает, что несмотря на декларированную цель «сделать лучше», чем американцы и японцы, в том числе в плане большей интеграции разных исследовательских подходов и результатов, на деле Славик манкировал своей ролью научного руководителя проекта: «Славик предоставил нам полную свободу действий, его на самом деле интересовали только свои собственные изыскания, а не какая-нибудь общая концепция» (Linhart 2016: 44).

В подражание проектам Кю:гаккай Рэнго: каждому участнику была назначена тема исследований. Сам Славик взял на себя описание природно-географических условий, составление очерка о древнейшей истории и изучение истории поселений и топонимики; большая часть его полевой работы прошла в консультациях с японскими коллегами и в библиотеках и архивах. Крайнер как опытный полевик должен был заниматься антропологией деревни в духе *community studies*, уделяя особое внимание социальной структуре, а также обрядам и обычаям годового

цикла, и исследовать культ, сложившийся вокруг святилища Асо. Социологу Линхарту было поручено сосредоточиться на проблеме социального расслоения. Пауэр должен был помогать Крайнеру с этнографиями деревень и изучать экономику села, а также описывать и собирать сельскохозяйственные орудия (Slawik et al. 1975: 21–22).

В воспоминаниях Линхарта делается эмоциональный акцент на то, что распределение обязанностей произошло исходя не из общей концепции, а из личных предпочтений: Славик и Крайнер хотели продолжать свои предыдущие исследования на новом материале, Пауэр имел техническое образование и не имел этнографического опыта, поэтому ему доверили чертежи, а сам Линхарт числился социологом и потому должен был отвечать за изучение «общества» – а исследовательский вопрос ему предстояло сформулировать самостоятельно; жена Линхарта, литературовед Рут Фишер, поскольку им «не была известна никакая беллетристика о регионе Асо», должна была помогать мужу по принципу «Всё возможно, каждый может всё!» (Linhart 2016: 44). Так, концепция проекта – составить описания отдельных деревень, дать общую характеристику региону, в том числе и на основе этих этнографий, и таким образом представить воспроизводимое и пригодное для компаративистских размышлений исследование региона, на основе которого можно было бы рассуждать о японской культуре в целом – начала нарушаться уже в самом начале.

Таким образом, результаты проекта Асо оказались, по оценке его участников, скромнее заявленных, и, кроме того, их публикация растянулась на много лет, в том числе и потому, что в 1969 г. Крайнер отправился работать в Университет Бонна и сосредоточился на написании хабилитационной работы.

Публикация результатов

Публикация основных результатов, как уже было упомянуто, состоялась в серии трудов Института японистики (*Beiträge zur Japanologie*) под общим названием «Асо: прошлое и настоящее сельского пространства на юге Японии».

Первый том этих трудов вышел в свет в 1975 г. Помимо введения с общей информацией о проекте, он содержит ряд обзорных работ о регионе Асо в целом. Открывают его результаты изысканий Славика под названием «Асо как естественное пространство» (Slawik 1975); этот очерк представляет собой описание географических и климатических особенностей региона.

Крайнер представил в первом томе очерк об истории региона, взяв на себя часть работы Славика. В этом очерке прослеживается судьба региона с древности до середины XX в. с упором на его внутреннее админи-

стративное деление и место в японском государстве; сюда же вошли некоторые результаты работы Славика по местной топонимике (Kreiner 1975).

Завершает первый том социологический обзор Линхарта. Он представляет собой характеристику демографических процессов, протекавших в регионе Асо с конца 1940-х до конца 1960-х гг. Источниками служили опубликованные статистические отчеты по префектуре Кумамото, а также некоторая доступная статистика по отдельным административным единицам региона Асо, например, городам Асо и Итиномия (Linhart 1975: 125–169). В целом этот обзор рисует картину меняющейся жизни сельского региона: параллельно с одновременным падением как рождаемости, так и смертности. Асо терял население в пользу индустриальных регионов Японии, особенно работоспособных мужчин, в результате чего в структуре населения было больше детей и пожилых людей, чем в среднем по стране. Более половины населения в Асо все еще были заняты в сельском хозяйстве, с чем, как отмечает Линхарт, должны быть связаны высокие значения занятости женщин. При этом уже в те годы нарастало значение туристического сектора в северной части Асо, поскольку там располагается национальный парк, главное святилище Асо, есть горячие источники и пр., в то время как южная долина оставалась чисто сельскохозяйственной, в результате чего темпы убыли населения на юге были значительно выше, чем на севере. Как отметил Линхарт, именно с туризмом были связаны надежды региона на будущее (Linhart 1975: 169–171).

Надо отметить, что Линхарт остался не очень доволен своей частью исследования. Изначально он решил изучать социальные последствия послевоенной аграрной реформы, которая передала арендуемую землю в собственность арендаторов. Однако никто из местных не пожелал говорить с иностранным студентом о том, что до войны они были нищими, или, наоборот, о том, как их семья финансово пострадала. Когда же Линхарт решил обратиться к архивам, то хотя ему предоставили все документы о передаче земель от собственника к собственнику, их оказалось слишком много – на каждый участок было по листу, а участок мог быть совсем крохотным куском земли, вплоть до 9–10 квадратных метров, – десятки тысяч страниц, которые было невозможно обработать за пару месяцев. Таким образом, задуманное исследование Линхарту не удалось, и он ограничился написанием для первого тома общего обзора экономической и социальной структуры региона Асо (Linhart 2016: 41).

Таким образом, первый том «Асо» представлял собой обзорный труд, включавший в себя общие географические, исторические и социально-экономические сведения о регионе. Также в нем был издан обширный библиографический список всех имеющих отношение к долине Асо работ, изданных до 1972 г. (Slawik et al. 1975: 177–216).

Второй том целиком составили результаты исследований Пауэра. По плану он должен был изучать экономику села, однако в этом он также столкнулся с трудностями. Идея заключалась в том, чтобы проанализировать данные, собранные в ходе опроса по отдельным домохозяйствам, а также данные о размере фермы, арендной платы или поголовья скота, зарегистрированные по каждому домохозяйству в ходе сельскохозяйственной переписи, которые исследователи смогли изучить в муниципалитете, чтобы определить экономические изменения за конкретный период времени для отдельных групп районов и домохозяйств. Данные за 1960 и 1965 г. уже можно было получить из переписи, а за 1969 г. – из анкет. Дальнейший сбор данных из переписи планировался на последующие годы. Однако с 1970 г. по соображениям защиты данных стало невозможно извлекать из переписи сведения об отдельных домохозяйствах. В открытом доступе были только обобщенные данные по деревне, но разрешение на получение информации об отдельных домохозяйствах не выдавалось. Таким образом, получалось, что и данные по отдельным домохозяйствам, с большими усилиями собранные раньше, вряд ли можно было использовать, по крайней мере, в исследовании экономики (Pauer 2016: 29).

Более успешной и результативной оказалась работа над вторым заданием, которое дал ему Крайнер. В то время Крайнер, по его собственному утверждению, стремился не к университетской, а к музейной карьере. В 1965 г. в венском Этнографическом музее (ныне Всемирный музей, Weltmuseum) состоялась большая выставка, посвященная Японии, и ее куратор, Альфред Яната, был заинтересован в дальнейшем пополнении коллекции. Крайнер уже собирал для него предметы в своих прежних экспедициях, и экспедиция в Асо, как он пишет, также интересовала его в первую очередь с этой точки зрения (Kreiner 2016: 52–53). Крайнер вспоминает, что одной из причин, почему эта работа казалась особенно важной в те годы, была стремительная механизация сельского хозяйства в Японии: это мог быть последний шанс собрать инструменты, которые «едва ли изменились с периода Яёй» (Klien, Kreiner 2015). СобираТЕЛЬСКАЯ деятельность и была порекомендована в итоге Пауэру.

Хотя Пауэр был самым неопытным участником экспедиции, у него уже было первое техническое образование (радиомеханик), благодаря чему ему отлично удавались зарисовки хозяйственного инвентаря – он должен был создать компендиум сельскохозяйственных инструментов для работ, проводящихся в течение года, помимо того, чтобы искать инструменты и механизмы для Этнографического музея; таковых было в итоге собрано 263 экземпляра, две трети которых представляли собой сельскохозяйственные орудия. Нужно было приобрести не только красивые или специально украшенные орудия, но и обычные рабочие инструменты, поскольку эта коллекция должна была представлять собой

«репрезентативный срез сельскохозяйственных орудий конкретного района Японии». Первые публикации об этой коллекции, написанные Пауэром в соавторстве с Крайнером и Яната, появились в серии «Сельскохозяйственные орудия Японии» в журнале Этнографического музея «Этнографический архив» (Archiv für Völkerkunde) в 1969–1973 гг. А в изданном в 1976 г. втором томе «Асо» изначальные материалы были дополнены материалами экспедиции весны–лета 1973 г. (Pauer 1976: 1–4).

Этот каталог орудий труда предваряется введением, в котором подробно описаны принципы проведенной работы, и обосновывается ее значение. Помимо позитивистского исторического взгляда на исследования материальной культуры в этом тексте прослеживается и музееведческая оптика, а именно фиксируется концептуальный кризис музееведения. При исследовании материальной культуры, пишет Пауэр, в том числе в историческом аспекте, изучаемыми (собираемыми, анализируемыми и систематизируемыми) «фактами» являются предметы – артефакты. Следовательно, они должны быть доступны науке, что объясняет необходимость коллекционирования. При этом в музей нередко попадают «интересные» предметы, а не рядовые; впрочем, он же сам отмечает, что идея собирать в музеях образцы всех предметов «граничит с утопией». Кроме музейного хранения есть и иные формы документации артефактов – рисунки, фотографии и описания. Однако сбор данных всегда подчинен исследовательскому вопросу, за которым стоит некая теория или гипотеза. В то время как другие науки развивают методы сбора и обработки данных, в том числе и заимствуя инструменты других дисциплин, в области изучения материальной культуры наблюдается стагнация, если не деградация, замечает Пауэр (Pauer 1976: 5–8). На этом фоне он выделяет подход венгерского этнолога-европеиста Кароя Гааля, который с середины 1950-х гг. жил в Австрии, с середины 60-х преподавал в Венском университете, а в 1970-х возглавил там направление европейской этнологии (фольклористики – Volkskunde). Гааль, имевший опыт работы в нескольких музеях, разработал вид документации хранящихся в музеях орудий труда, а также предложил новый метод их классификации. Он ввел понятие «инструментальное единство» (Geräteeinheit), которое «выходило за рамки принятых тогда типологизаций, отражая взаимосвязь между орудиями, которые нельзя было формально или функционально отнести к одной группе» (8–9). Пауэр классифицировал свой материал по системе Гааля, группируя инструменты «в соответствии с функциональными аспектами рабочего процесса», т.е. объединяя основной инструмент для какого-то типа работ с вспомогательными приспособлениями, без которых работа невозможна. Например, плуг (основной инструмент) сам по себе не может использоваться, вместе с ним используется ряд других предметов – от упряжи тяглового скота до лопаты для очистки пашни, которые различаются на вторичные

(в случае с плугом, например, лопата) и вспомогательные предметы (веревки для упряжи), которые используются только в сочетании с основным), а также дополнительные предметы (седло, упряжь), которые в другом комплекте могут являться основными (9).

Большое внимание Пауэр уделил обоснованию использования именно технического чертежа (вместо обычной зарисовки, фотографии и т.п.) при документации, суть которого сводится к возможности создать точную реплику орудия, которая, в свою очередь, дает возможность судить о его технических характеристиках, применении и т.п. (Pauer 1976: 10–11). Также он следует схеме Гааля при описании предметов, состоящей из 19 пунктов (12–13).

Пауэр поднимает вопрос о необходимости документации не только традиционных, но и новых технических средств, и пишет, что это было бы логично, однако о механизации пишут в различных отраслевых журналах, поэтому этнографу не обязательно фиксировать современные инструменты. Тем не менее он отмечает, что механизация сельского хозяйства приводит не только к полной замене традиционных инструментов на современные, но и к появлению новых приспособлений, использующихся в сочетании с машинным оборудованием, о которых в технических журналах не упоминают и которые, следовательно, стоит документировать этнографам, тем более что часто они распространены в какой-то одной местности. Также он пишет о необходимости фиксировать сами процессы изготовления и применения орудий, для чего идеальной была бы видеодокументация, однако признает, что провести полную видеофиксацию всех производственных процессов представляется невозможным (Pauer 1976: 14–15).

Основная масса представленных орудий относится к заливному земледелию, и они расположены в порядке работ сельскохозяйственного цикла (вспашка, полив, посев и т.д.). Пауэр в общем описывает этот цикл во введении, а каждый раздел, посвященный той или иной группе орудий, предваряет исторической и этнографической справкой.

Надо отметить, что именно эта часть проекта Асо оценивается как успешная самими участниками проекта, причем успех этот был достигнут несмотря на то, что выбранный для полевого этапа сезон был крайне неудачен для изучения сельскохозяйственных работ – зимой на полях не велась никакая работа, пронаблюдать рабочий процесс было невозможно. Крайнер пишет, что Пауэру удалось не только достойно пополнить собрание Этнографического музея, но также и привнести нечто новое в японоведение, даже в самой Японии: он утверждает, что этот опыт повлиял на японского этнолога Аруга Кидзаэмон: он ввел обучение рисованию для учителей из регионов, которые занимались изучением материальной культуры в рамках краеведческой деятельности (Kreiner 2016: 55).

Третий и последний том этой серии появился лишь в 1982 г. В него вошли работы Крайнера и Мартина Канэко. Канэко – один из студентов Крайнера, с которыми он организовал экспедицию в Асо в 1973 г., пытаясь реализовать изначально заложенную в проект Асо идею лонгитюдного исследования региона. Канэко в то время проводил исследования, связанные с социальными последствиями индустриализации в университете Киото (Kreiner 1982: 2), а тут представил работу о дискриминации буракуминов² в сельской местности на примере деревни Одзима. Крайнер же опубликовал монографию о социальной и экономической структуре японской деревни на примере деревни Огинокуса.

Изначально предполагалось, что Крайнер опишет социальную организацию трех поселений (Саканаси, Ниситэно и Огинокуса), различающихся между собой по размеру, возрасту и типу хозяйствования, которые входили в муниципальный район города Итаиномия (сейчас он объединен с городом Асо), где находится и святилище Асо. Однако на полное исследование трех деревень не хватило сил и времени, а самого его в первую очередь интересовали вопросы религии.

С точки зрения изучения календарных обрядов и верований удачей оказалось, что Крайнер приехал в Асо в декабре и смог пронаблюдать и поучаствовать во всех новогодних мероприятиях (Kreiner 2016: 52). Тем не менее этот материал в данную серию публикаций не был включен, а вышел отдельно в 1979 г. под названием «К вопросу о развитии представлений о богах в синтоистском святилище: новогодние церемонии в святилище Асо» (Kreiner 1979).

Работа об Огинокуса также была вдохновлена исследованиями религии. Защищенная в 1965 г. диссертация Крайнера была посвящена культуре норо на острове Амами-Оосима, и во время реализации проекта Асо он уже находился в процессе подготовки хабилитационной работы, также посвященной народным верованиям (Linhart 2016: 36). Его исследования культа норо начались как продолжение темы марэбито – «приходящих божеств» или «священных гостей». Концепция марэбито принадлежала японскому этнологу Орикути Синобу; через диссертацию Ока её перенял и на протяжении многих лет развивал Славик. Марэбито в определении Славика – это разного рода сверхъестественные существа (в том числе божества, духи предков и т.п.), которые являются в деревню из другого мира в определенное, переходное, время года, и к явлению таких «гостей» приурочены маскарадные шествия и карнавалы. Однако Крайнер после работы на Амами пришел к противоположной теории – идее постоянного присутствия божества в деревне: деревенское божество-хранитель без имени, пола и образа всегда присутствует, поэтому деревня – священное место, и поэтому, например, никому из посторонних не разрешается входить туда во время праздников (Kreiner 2016: 53).

Эта концепция изначально была выдвинута Харада Бинмэй (То-сиаки), который утверждал, что древнейшие формы социальной организации обнаруживаются не в периферийных регионах (как утверждал Янагита Кунио, а вслед за ним многие другие), а в центральных в историко-культурном смысле, и на материале региона Кансай развил свою идею о том, что такой формой была религиозная община *миядза*:. В сельских обществах, организованных по такому принципу, все семейства (точнее, их главы) на равных основаниях участвовали в религиозной жизни деревни, по очереди выдвигали кандидатуры на жреческий пост и становились ведущими организаторами деревенских фестивалей (Kreiner 2017: 54). Важность идей Харада и его последователей, включая в данном случае Крайнера, заключается в следующем: они предлагали альтернативу установившемуся как в японской, так и западной науке мнению, что основой японского деревенского общества являются *до:дзоку* – иерархические объединения семей, состоящие из основной (*хонкэ*) и подчиненных ей побочных (*бункэ*). Большинство исследований сельской Японии в послевоенные десятилетия сосредоточивались на вопросах родства, и основные дискуссии разворачивались вокруг сущности *до:дзоку* (Nakane 1974). Крайнер же вслед за Славиком и Харада подходил к вопросу о сельском обществе с точки зрения религиозных институтов и хотел дополнить историографию о *миядза*: полным описанием социальной структуры деревни.

Вторая задача исследования была сформулирована в соответствии с общими целями проекта: определить, какая форма социальной организации характерна именно для региона Асо (Kreiner 1982: 7–8).

Крайнер в своем анализе сосредоточился в первую очередь всё же на родстве: тщательно задокументировал структуру всех семейств в Огинокуса и их брачные и генеалогические связи и взаимодействия как в хозяйственной (совместные работы, работы на храмовой земле), так и в религиозной жизни. Он определил несколько *до:дзоку*, однако отметил, что по всей видимости иерархические отношения между семьями *хонкэ* и *бункэ* сохраняются всего пару поколений; большинство же семейств считали себя самостоятельными (Kreiner 1982: 44–48). Кроме этого, он описал разделение деревни (расположенной в протяженной долине) на верхнюю, среднюю и нижнюю части, которые образовывались переселенцами в эту долину поступательно. «Верхняя» и «средняя» Огинокуса, согласно его выводам, в ряде аспектов составляют единое целое, обособляясь от «нижней» деревни. «Нижняя» часть была заселена позже всего и является самой бедной.

Хотя в Огинокуса есть несколько семей, которые не считают себя членами культа местного божества, они не отказываются от жертвований и работ в пользу святилища, как и от участия в праздниках, и считаются членами местной религиозной общины, *удзико*. Удзико, таким образом,

практически идентична деревенскому сходу. При этом жители деревни делятся на три «праздничных группы», которые по очереди организуют общедеревенские религиозные праздники, причем разделение по этим группам не соответствует ни родственным связям, ни территориальному делению деревни. Точный принцип их формирования Крайнер так и не установил. Религиозная община более закрыта, чем деревенская (для вступления в «праздничную группу» и в удзико надо прожить в деревне несколько лет, а для исполнения некоторых функций – родиться в ней), однако их функции практически полностью пересекаются (Kreiner 1982: 70–73).

Общие выводы его таковы, что для описания социальной структуры Огинокуса недостаточного одного объяснительного принципа, её определяют множество факторов разных уровней. В этой структуре прослеживается принцип формального равенства, но он нередко перекрывается разного рода иерархиями. Среди выявленных Крайнером факторов, влияющих на внутридеревенские иерархии, он выделил историю заселения, владение землей, соседство, родовую систему (до:дзоку), родство и брачные связи, возраст и опыт (Kreiner 1982: 80–82).

Можно заметить, что эти выводы не вполне соответствуют заявленным задачам исследования. В них нет (и определено, к лучшему) попытки экстраполировать результаты исследования на весь регион, напротив, ряд аспектов объясняется географическим положением и историей конкретного селения. Непонятно, насколько можно трактовать её как доказательство в пользу теории о *миядза*:, поскольку властные полномочия, как светского, так и – особенно – религиозного характера, сосредоточивались в руках нескольких семейств, обладавших наибольшей древностью и (или) земельными угодьями.

Канэко, который присоединился к исследованию Асо лишь в 1973 г., также продолжил свою основную тему – изучение дискриминируемого меньшинства буракуминов, модное в те годы направление. Однако в рамках проекта Асо он изучал их не в городской, а в сельской среде, и исследовал деревню Одзима, считавшуюся традиционным поселением буракуминов. Он описывает сельскую общину (*бураку*), почти все жители которой относились к буракуминам, и отмечает особенности ее устройства и жизни, которые могут быть связаны с дискриминацией в отношении представителей этой общины. Основной упор в его работе сделан на демографические и экономические данные, собранные им в Одзима с помощью анкетирования. Он приводит их в сравнении с данными по всему региону Асо, подчеркивая расхождения, указывающие на последствия дискриминации. Например, брачная статистика показала, что сохраняется принцип эндогамии (в 63% пар оба супруга были буракуминами, из Одзима или других дискриминируемых бураку; в оставшихся случаях не-буракуминами были женщины, которых чаще всего

местные мужчины привозили из городов, куда отправлялись на заработки, и которых часто не ставили в известность о своей принадлежности к буракуминам); признаком дискриминации можно считать и то, что браки по сватовству (*о-миаи*) в основном заключались между буракуминами, а в случае браков с не-буракуминами сватовство происходило значительно реже. Как свидетельство экономически неблагоприятной ситуации Канэко отметил тот факт, что из приезжих в Одзима жили только те, кто вышел замуж за местных, ни одной переехавшей туда семьи он не обнаружил (Kaneko 1982: 131–132).

Интересно отметить, насколько отличный от Крайнера подход выбрал Канэко для своего исследования. Если Крайнер опирался на японскую этнологическую традицию, то Канэко обратился к марксистской теории. Он попытался выявить классовое строение Одзима, выделив предпринимателей (правда, таковой обнаружился лишь один – глава строительной бригады), «мелкую буржуазию» (самозанятых) и рабочих. Также Канэко проанализировал занятость в Одзима, включая такие аспекты, как общая структура, размер предприятий, где работают местные жители, количество рабочих часов (в день и месяц), длительность занятости конкретной работой, частота и причины смены деятельности, отпуска и выходные пособия, (не)удовлетворенность текущей работой и т.п.

Отдельный раздел посвящен образованию: больше четверти взрослых жителей Одзима имели только начальное, и только двое (оба младше 29 лет) – полное школьное образование. Хотя ситуация с образованием буракуминов улучшается, пишет Канэко, именно осознание, что их родители не имели доступа к школьному образованию, дает детям буракуминов глубокое понимание, какой дискриминации подвергается их социальная группа (Kaneko 1982: 162–163).

Канэко приходит к выводам о том, что социальная стратификация и структура занятости буракуминов в Одзима являются признаком продолжающейся дискриминации. «Это типичный случай аграрного бураку, который расположен в рисоводческом районе, но жители которого не могут зарабатывать на жизнь сельским хозяйством» (Kaneko 1982: 140), потому что даже после послевоенной земельной реформы получили крохотные участки земли плохого качества. Фермерство было не в состоянии обеспечить жизнь, поэтому многие дополнительно были заняты микропредпринимательством, в основном торговлей сувенирами у кратера вулкана Асо, что было не только экономически нестабильным и регулируемым со стороны государства занятием, но и опасным для здоровья. Почти половина населения зарабатывала наемным трудом; большинство – в сфере строительства, транспорта и гостиничного бизнеса на самых низовых должностях. Таким образом, почти три четверти трудоспособного населения Одзима Канэко, пользуясь терминологией Маркса, оценивал как «относительное перенаселение», «промышленную

резервную армию труда». Одновременно дискриминация в отношении буракуминов не позволяет им даже «пролетаризироваться»: в периоды экономического роста они устремляются в города, где требуется неквалифицированная, дешевая рабочая сила, однако в случае спада экономики они первыми теряют работу и вынуждены возвращаться в родные села, где, однако, крайне мало рабочих мест. «Причиной сохранения дискриминации бураку является не абсолютное продолжение феодальной статусной дискриминации и, следовательно, полное исключение буракуминов из рынка труда, а ее реорганизация в угоду капиталу», – пишет Канэко, утверждая в заключении, что важнейшая задача для эмансипации бураку – это борьба с дискриминацией при найме и увольнении и создании рабочих мест, аспект, который по большей части игнорируется правительственными мерами по борьбе с дискриминацией (Kaneko 1982: 175–178).

Марксистский подход к проблеме дискриминации буракуминов Канэко, очевидно, воспринял из японской научной традиции. В послевоенные десятилетия антидискриминационное движение буракуминов сотрудничало с Коммунистической партией Японии, а исследованием проблемы их дискриминации занимались в основном историки-марксисты, таким образом, основные дискуссии протекали в рамках марксистской теории. К началу 1950-х гг. был сформирован дискурс о дискриминации буракуминов как о пережитке, особом статусе внутри экономического класса феодального общества, от которого не смогла избавиться незавершенная в Японии буржуазная революция и который мешает буракуминам объединиться с пролетариатом в борьбе с капитализмом (Amos 2007: 162–168). Этот дискурс главенствовал в японской историографии несколько десятилетий, и Канэко также работал в его рамках, хотя его выводы в некоторой степени – там, где он подвергает сомнению положение о продолжении «феодальной статусной дискриминации» – идут с ним вразрез.

Заключение

Главным успехом проекта Асо сами его участники называют оказанное им влияние на мир немецкоязычной японоведки: от японоведов последовало «удивление, восхищение, но также и отторжение»; «важны были не столько результаты проекта или его теоретические основы, сколько тот факт, что мы взялись за него и справились», «после этого проекта немецкоязычное японоведение уже никогда не было таким, как раньше; оно перестало быть чисто филологической наукой, занимавшейся в основном Японией до 1868 года, этот проект стал отправной точкой для того огромного разнообразия, которое сегодня имеет японоведение в немецкоязычном мире» (Linhart 2016: 47; см. также Kreiner

2016: 55–57). Их преемники, современные представители Института, также отмечают особое место проекта в истории европейской японистики (Manzenreiter 2016: 120). Оценка влияния проекта Асо на судьбы европейской японистики не является задачей данной работы, однако можно наверняка сказать, что для венской школы этот проект действительно стал важной вехой.

Одновременно все авторы сходятся во мнении, что поиск теоретических основ, новой парадигмы для изучения японской культуры и попытка создания универсальной модели комплексного исследования региона не увенчались успехом. «Мы думали: “Мы можем это сделать”. Но мы не смогли этого сделать», – прямо пишет Крайнер (2016: 55).

По опубликованным материалам видно, что общая концепция подразумевала в том числе попытку сблизиться с американской моделью антропологических исследований. Причем влияние американской антропологии было и непосредственным – через работы американских японистов, – и опосредованным – через заимствования из японской науки, которая также сотрудничала с американской. Идею исследования отдельных сообществ, реализовавшуюся в трудах Крайнера и (в меньшей степени) Канэко, можно считать заимствованием из этой традиции.

Тем не менее заметно, что представления Славика и его старших учеников об изучении культуры складывались изначально на основе венского диффузионистского учения с его своеобразным историзмом, восходящим еще к представлениям XIX в. о возможности обнаружить где-то «дикость», аналогичную нашему собственному доисторическому периоду. Венские японисты не были готовы отказаться ни от поиска реликтов прошлого в современном обществе, ни от пристального интереса к истории в целом. Диффузионистская основа также противоречила и холистическим идеям, свойственным довоенной американской антропологии. Манценрайтер, рассуждая о влиянии структурно-функциональной антропологии на проект Асо, видит холистическую логику в венском историзме, поиске «базисной культуры» (Manzenreiter 2016: 119–120), однако эта логика едва ли имеет отношение к американскому холизму. Источники показывают, что в представлении исследователей существовало общее понятие японской культуры, однако подобное представление было скорее общим местом как в европейской японистике, так и в японской этнологии/фольклористике (Мещеряков 2020; Blümmel, Antoni 2001). В то же время высокая роль сравнительного подхода в концепции проекта Асо скорее говорит об отказе от априорных представлений о гомогенности японской культуры. Таким образом, хотя современные авторы вспоминают об австрийской диффузионистской этнологии в основном в контексте влияния Шмидта на Ока (см.: Scheid 2016), представляется, что некоторые её основополагающие установки можно проследить в научных взглядах венских японистов и в 1960–1970-х гг.

Так или иначе, несмотря на попытку Славика инкорпорировать в свою японистику некоторые подходы американской антропологии, вряд ли это влияние можно назвать решающим. Гораздо больше венские ученые ориентировались на работы своих японских коллег. Это относится и к общей концепции проекта, вдохновленной Кю:гаккай Рэнго:, и к отдельным работам в его рамках. Очевидно, что крепкие связи между венской японистикой и японской наукой поддерживались и личными связями Славика и Ока, и строгой установкой на стажировку и полевую работу в Японии для учеников Славика, где они знакомились с японскими коллегами и их теориями. Венские японисты считали важным встраиваться именно в японский дискурс о Японии. И Славик, и Крайнер, и Канэко развивали теории, выдвинутые японскими учеными.

О сохраняющейся тесной связи с австрийской этнологией и фольклористикой говорит и многолетнее сотрудничество с Этнографическим музеем, и тот факт, что Пауэр в своем методологическом поиске пришел к методу Гааля.

Сам факт полевых исследований «этнологизировал» японистику Славика: эта практика пришла в венскую японистику напрямую из этнологии и ассоциировалась у самих японистов в первую очередь с этой дисциплиной.

При этом Славик ощущал – и писал об этом (Slawik 1972: 38) – что в этнологии не было четкого представления о том, как исследовать современные общества. Решением проблемы ему виделась междисциплинарность. Этот подход, по его мнению, должен был и определить устройство японистики как дисциплины, и помочь в выработке новой методологии – а может быть и новой «большой теории» – в изучении японской культуры.

Однако амбициозный план создания универсальной модели комплексного исследования регионов, который как раз и требовал выработки общего теоретического обоснования, не увенчался успехом. Как видно из представленного анализа, каждый из участников проекта следовал существующим теоретическим и методологическим наработкам в собственной теме. Преодолеть отмеченный венскими учеными разрыв в теоретической связи микроисследований (community studies) с общими суждениями о японской культуре через «средний», т.е. региональный, уровень также не удалось. Так, Крайнер отказался от генерализаций в своем «микроисследовании», а Канэко видел Одзима как поселение типичное – но не для региона, а для представленного в нем слоя населения – буракуминов.

Выработка принципов междисциплинарного взаимодействия в исследованиях могла иметь не только чисто научное, но и институциональное значение. Отсутствие решения этой задачи, возможно, сделало Институт более зависимым от научных предпочтений его руководителя: если для

Славика и Крайнера этнология виделась интегральной частью японистики, то при следующем директоре, Линхарте, венская японистика отошла от этнологии, сблизившись с социологией (Scheid 2016: 63–64).

Стоит отметить, что несмотря на критическое отношение самих участников проекта Асо к его теоретическим результатам, их неудачи не лежат исключительно на их совести: в 60–70-х гг. этнология/антропология, на которую они еще во многом опирались, сама переживала серьезные потрясения: глобальные политические процессы (окончание колониальной эпохи, холодная война, молодежные политические выступления) пошатнули позитивистский оптимизм формирующейся на основе англо-американской традиции глобальной антропологии и подтолкнули её к переопределению самых базовых своих понятий (объекта, поля); в антропологии постепенно наступала эпоха постмодерна, характеризующаяся размытием интеллектуальных жанров и дисциплинарных границ (Stocking 1995: 951–955). Таким образом, антропология не могла предложить готовых решений. Тем не менее, как пишет Манценрайтер, австрийские ученые предвосхитили в своей работе многие тенденции современных социокультурных исследований: учитывали исторические факторы, однако не были склонны использовать «традиционность» как основное объяснение, и отказывались от дуализма «традиционности» и «современности», а также сделали изучение японского языка не только данью филологической традиции, но и средством погрузиться в живую жизнь современных японцев (Manzenreiter 2016: 120).

В условиях дефицита ресурсов им удалось решить свою главную задачу: представить немецкоязычному академическому миру альтернативный, основанный на социальных науках, подход к изучению культуры Японии и этим изменить само представление о том, что понимается под японской культурой как предметом научного изучения.

Рассматривая эту попытку синтеза дисциплин с точки зрения истории антропологии, можно сделать несколько замечаний. Подход, принятый австрийскими японистами к подбору литературы для решения своих задач, сложно назвать удовлетворительным. Манценрайтер отмечает, что они ограничивались исключительно книгами, написанными на японском материале, что априори отсекало основную массу антропологической литературы, и не предпринимали попыток даже ознакомиться с современными им теоретическими дискуссиями (Manzenreiter 2016: 113). К этому можно добавить, что их внимание концентрировалось на методологических приемах, причем их интересовали конкретные полевые, локальные исследования. Так, книга Рут Бенедикт («исследование на макроуровне» (Slawik et al. 1975: 12)) упоминается вскользь, теоретические основы прочих американских работ также не обсуждаются. Большие этнологические теории японской науки были венским ученым, очевидно, знакомы, однако обсуждения достаивается в первую очередь

именно практика междисциплинарных исследований. Надо отметить, что декларировалось создание японистики нового типа, практически новой дисциплины, которая и не должна была укладываться в какую-либо антропологическую теорию. Тем не менее нарастающее теоретическое разнообразие в антропологии вряд ли позволило бы легко решить такую задачу, даже если бы она была поставлена.

Также этот австрийский опыт показывает пример того, как антропологические теории заимствуются смежными дисциплинами с некоторым «джетлагом»: та американская исследовательская парадигма, которую пытался интегрировать в японистику Славик, к концу 60-х гг. уже уходила в прошлое. Проанализированные здесь источники не дают возможности рассуждать о причинах такого отставания, однако наглядно иллюстрируют его.

Одновременно важно отметить, что именно из этнологии/антропологии в венскую японистику пришло широкое понимание культуры, включающее в себя и социальные институты, и экономические практики, которое открыло путь как к изучению современности (как сельской, так позже и городской), так и к привлечению других социальных дисциплин к проблемам изучения японской культуры.

Примечания

¹ В данной статье предлагается считать термины «этнология» и «(социокультурная) антропология» взаимозаменяемыми; в каждом конкретном случае выбор будет обусловлен контекстом. Так, вслед за источниками преимущественно будет употребляться термин «этнология», поскольку именно он является устоявшимся переводом немецких терминов *Ethnologie* и *Völkerkunde*. Слово «антропология» будет преимущественно использоваться в общих рассуждениях и там, где будет идти речь об американской традиции.

² Дискриминируемая социальная группа в Японии, история которой восходит к «нечистым» кастам эпохи Эдо.

Список источников

- Любимова Н.С. Александр Славик и истоки этнологического японоведения в Вене // Сибирские исторические исследования. 2019. № 1. С. 124–143.
- Мещеряков А.Н. Остаться японцем: Янагита Кунио и его команда. Этнология как форма существования японского народа. М.: Лингвистика, 2020.
- Amos T. Binding Burakumin: Marxist Historiography and the Narration of Difference in Japan // *Japanese Studies*. 2007. Vol. 27:2. P. 155–171. doi: 10.1080/10371390701494168
- Aso: Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft eines Wiener Forschungsprojekts zum ländlichen Japan / Hg.: Ralph Lützel u. Wolfram Manzenreiter. Wien, 2016.
- Beardsley R.K., Hall J.W., Ward R.E. Village Japan. University of Chicago Press, 1959. 512 p.
- Cornell J.B., Smith R.J. Two Japanese Villages: Matsunagi, A Japanese Mountain Community; Kuruu, A Japanese Agricultural Community. 1956.
- Embree J.F. A Japanese Village. Sue Mura. 1946 (1939). URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.274734/page/n9/mode/2up> (Accessed: 29.07.2025).

- Kaneko M.* Buraku-Diskriminierung im Distrikt Aso. Die Lage im diskriminierten Buraku Ojima // Aso: Vergangenheit und Gegenwart eines ländlichen Raumes in SüdJapan. Band III. (= Beiträge zur Japanologie; 18). Wien: Institut für Japanologie der Universität Wien, 1982. S. 101–191.
- Klien S., Kreiner J.* Susanne Klien interviews Prof emer. Josef Kreiner // Japan Anthropology Workshop, 2015. URL: <https://japananthropologyworkshop.org/interview-with-prof-emer-josef-kreiner/> (Accessed: 29.07.2025).
- Kreiner J.* Kurzer historischer Abriss des Aso-Raumes // Aso: Vergangenheit und Gegenwart eines ländlichen Raumes in SüdJapan. Band I. Einführung und Überblick. (= Beiträge zur Japanologie; 12). Wien: Institut für Japanologie der Universität Wien, 1975. S. 56–123.
- Kreiner J.* Zur Entwicklung der Gottesvorstellung im Shrein-Shinto: Die Frühjahrszeremonien des Aso-Schreines // Festgabe Herbert Zachert 70 Jahre. Bonner Zeitschrift für Japanologie, 1979, 1. S. 201–218.
- Kreiner J.* Oginokusa. Soziale und wirtschaftliche Struktur eines edo-zeitlichen Rodungsdorfes im Aso-Gebiet, Präfektur Kumamoto, SüdJapan // Aso: Vergangenheit und Gegenwart eines ländlichen Raumes in SüdJapan. Band III. (= Beiträge zur Japanologie; 18). Wien: Institut für Japanologie der Universität Wien, 1982. S. 5–99.
- Kreiner J.* Anfang und Ende eines Versuches zum interdisziplinären Arbeiten in Japan. Gedanken zur Auflösung der Kyūgakkai-rengō // Japanstudien. 1990. Vol. 1:1. S. 385–397. doi:10.1080/09386491.1990.11826972
- Kreiner J.* Erinnerungen an das Aso-Projekt // Aso: Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft eines Wiener Forschungsprojekts zum ländlichen Japan. Hg.: Ralph Lützel u. Wolfram Manzenreiter. Wien, 2016. S. 49–58.
- Kreiner J.* Brief Remarks on Paradigm Shifts in Japanese Anthropology during the 20th Century // Global perspectives on Japan. 2017. P. 23–65.
- Linhart S.* Zur Sozial- und Wirtschaftsstruktur des Aso-Beckens // Aso: Vergangenheit und Gegenwart eines ländlichen Raumes in SüdJapan. Band I. Einführung und Überblick. (= Beiträge zur Japanologie; 12). Wien: Institut für Japanologie der Universität Wien, 1975. S. 125–176.
- Linhart S.* Aso, Februar 1969 // Aso: Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft eines Wiener Forschungsprojekts zum ländlichen Japan. Hg.: Ralph Lützel u. Wolfram Manzenreiter. Wien, 2016. S. 35–48.
- Manzenreiter W.* Das Aso-Projekt der Wiener Japanologie im Kontext ethnologischer Community Studies // Aso: Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft eines Wiener Forschungsprojekts zum ländlichen Japan / Hg.: Ralph Lützel u. Wolfram Manzenreiter. Wien, 2016. S. 104–124.
- Nakane Ch.* Cultural anthropology in Japan // Annual Review of Anthropology. 1974. Vol. 3. P. 57–72.
- Norbeck E.* Takashima, a Japanese fishing community. 1954.
- Ölschleger H.D.* Das Aso-Projekt aus Sicht von ethnologischen Ansätzen in der Japanforschung // Aso: Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft eines Wiener Forschungsprojekts zum ländlichen Japan. Hg.: Ralph Lützel u. Wolfram Manzenreiter. Wien, 2016. S. 88–103.
- Pauer E.* Aso: Vergangenheit und Gegenwart eines ländlichen Raumes in SüdJapan. Band II. Der Landwirtschaftliche Gerätebestand des Aso-Gebietes (= Beiträge zur Japanologie; 13). Wien, 1976. 255 s.
- Pauer E.* Erinnerungen an das Aso-Projekt 1968/69 // Aso: Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft eines Wiener Forschungsprojekts zum ländlichen Japan / Hg.: Ralph Lützel u. Wolfram Manzenreiter. Wien, 2016. S. 19–34.
- Scheid B.* Oka Masao und das schwierige Erbe der Wiener Kulturkreislehre // Aso: Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft eines Wiener Forschungsprojekts zum ländlichen Japan / Hg.: Ralph Lützel u. Wolfram Manzenreiter. Wien, 2016. S. 61–87.

- Slawik A. Die Bibliothek des Instituts für Japanologie der Universität Wien // Wiener völkerkundliche Mitteilungen, XIX.JG., N.F., Bd. XIV, Wien, 1972. S. 35.
- Slawik A., Kreiner J., Linhart S., Pauer E. Einleitung. Problemstellung, Planung und Durchführung des Projekts // Aso: Vergangenheit und Gegenwart eines ländlichen Raumes in Südjapan. Band I. Einführung und Überblick. (= Beiträge zur Japanologie; 12). Wien: Institut für Japanologie der Universität Wien, 1975. S. 11–35.
- Slawik A. Das Aso-Land als natürlicher Raum // Aso: Vergangenheit und Gegenwart eines ländlichen Raumes in Südjapan. Band I. Einführung und Überblick. (Beiträge zur Japanologie; 12). Wien: Institut für Japanologie der Universität Wien, 1975. S. 36–55.
- Stocking G.W. Delimiting Anthropology: Historical Reflections on the Boundaries of a Boundless Discipline // Social Research. 1995. Vol. 62, № 4. Defining the Boundaries of Social Inquiry. P. 933–966.

References

- Lyubimova, N.S. (2019) Alexander Slawik and the Origins of Ethnological Japanology in Vienna. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian Historical Research*. 1. pp. 124–143. (In Russian)
- Meshcheryakov, A.N. (2020). *Ostat'sya yapontsem: Yanagita Kunio i ego komanda. Etnologiya kak forma sushchestvovaniya yaponskogo naroda* [Staying Japanese: Yanagita Kunio and His Team. Ethnology as a Form of the Existence of the Japanese People]. Moscow: Lingvistika.
- Amos, T. (2007) Binding Burakumin: Marxist Historiography and the Narration of Difference in Japan. *Japanese Studies*. 27:2. pp. 155–171. DOI: 10.1080/10371390701494168
- Aso: Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft eines Wiener Forschungsprojekts zum ländlichen Japan* / Hg.: Ralph Lützel u. Wolfram Manzenreiter. Wien, 2016.
- Beardsley, R.K., Hall, J.W. & Ward, R.E. (1959) *Village Japan*. University of Chicago Press. 512 p.
- Cornell, J.B. & Smith, R.J. (1956) *Two Japanese Villages: Matsunagi, A Japanese Mountain Community; Kurusu, A Japanese Agricultural Community*.
- Embee, J.F. (1946 (1939)) *A Japanese Village. Sue Mura*. Available at: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.274734/page/n9/mode/2up> (Accessed 29 July 2025)
- Kaneko, M. (1982) Buraku-Diskriminierung im Distrikt Aso. Die Lage im diskriminierten Buraku Ojima. In: *Aso: Vergangenheit und Gegenwart eines ländlichen Raumes in Südjapan*. Band III. (= Beiträge zur Japanologie; 18). Wien: Institut für Japanologie der Universität Wien. pp. 101–191.
- Klien, S. & Kreiner, J. (2015) Susanne Klien interviews Prof emer. Josef Kreiner. *Japan Anthropology Workshop*. Available at: <https://japananthropologyworkshop.org/interview-with-prof-emer-josef-kreiner/> (Accessed 29 July 2025).
- Kreiner, J. (1975) Kurzer historischer Abriss des Aso-Raumes. In: *Aso: Vergangenheit und Gegenwart eines ländlichen Raumes in Südjapan*. Band I. Einführung und Überblick. (= Beiträge zur Japanologie; 12). Wien: Institut für Japanologie der Universität Wien. pp. 56–123.
- Kreiner, J. (1979) Zur Entwicklung der Gottesvorstellung im Shrein-Shinto: Die Frühjahrszeremonien des Aso-Schreines. *Festgabe Herbert Zachert 70 Jahre. Bonner Zeitschrift für Japanologie*. 1. pp. 201–218.
- Kreiner, J. (1982) Oginokusa. Soziale und wirtschaftliche Struktur eines edo-zeitlichen Rodungsdorfes im Aso-Gebiet, Präfektur Kumamoto, Südjapan. In: *Aso: Vergangenheit und Gegenwart eines ländlichen Raumes in Südjapan*. Band III. (= Beiträge zur Japanologie; 18). Wien: Institut für Japanologie der Universität Wien. pp. 5–99.
- Kreiner, J. (1990) Anfang und Ende eines Versuches zum interdisziplinären Arbeiten in Japan. Gedanken zur Auflösung der Kyūgakkai-rengō. *Japanstudien*. 1:1. pp. 385–397. DOI: 10.1080/09386491.1990.11826972

- Kreiner, J. (2016) Erinnerungen an das Aso-Projekt. In: *Aso: Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft eines Wiener Forschungsprojekts zum ländlichen Japan*. Hg.: Ralph Lützel u. Wolfram Manzenreiter. Wien. pp. 49–58.
- Kreiner, J. (2017) Brief Remarks on Paradigm Shifts in Japanese Anthropology during the 20th Century. In: *Global perspectives on Japan*. pp. 23–65.
- Linhart, S. (1975) Zur Sozial- und Wirtschaftsstruktur des Aso-Beckens. In: *Aso: Vergangenheit und Gegenwart eines ländlichen Raumes in Südjapan*. Band I. Einführung und Überblick. (= Beiträge zur Japanologie; 12). Wien: Institut für Japanologie der Universität Wien. pp. 125–176.
- Linhart, S. (2016) Aso, Februar 1969. In: *Aso: Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft eines Wiener Forschungsprojekts zum ländlichen Japan*. Hg.: Ralph Lützel u. Wolfram Manzenreiter. Wien. pp. 35–48.
- Manzenreiter, W. (2016) Das Aso-Projekt der Wiener Japanologie im Kontext ethnologischer Community Studies. In: *Aso: Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft eines Wiener Forschungsprojekts zum ländlichen Japan* / Hg.: Ralph Lützel u. Wolfram Manzenreiter. Wien. pp. 104–124.
- Nakane, Ch. (1974) Cultural anthropology in Japan. *Annual Review of Anthropology*. 3. pp. 57–72.
- Norbeck, E. (1954) *Takashima, a Japanese fishing community*.
- Ölschleger, H.D. (2016) Das Aso-Projekt aus Sicht von ethnologischen Ansätzen in der Japanforschung. In: *Aso: Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft eines Wiener Forschungsprojekts zum ländlichen Japan*. Hg.: Ralph Lützel u. Wolfram Manzenreiter. Wien. pp. 88–103.
- Pauer, E. (1976) *Aso: Vergangenheit und Gegenwart eines ländlichen Raumes in Südjapan*. Band II. Der Landwirtschaftliche Gerätebestand des Aso-Gebietes (= Beiträge zur Japanologie; 13). Wien.
- Pauer, E. (2016) Erinnerungen an das Aso-Projekt 1968/69. In: *Aso: Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft eines Wiener Forschungsprojekts zum ländlichen Japan* / Hg.: Ralph Lützel u. Wolfram Manzenreiter. Wien. pp. 19–34.
- Scheid, B. (2016) Oka Masao und das schwierige Erbe der Wiener Kulturkreislehre. In: *Aso: Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft eines Wiener Forschungsprojekts zum ländlichen Japan* / Hg.: Ralph Lützel u. Wolfram Manzenreiter. Wien. pp. 61–87.
- Slawik, A. (1972) Die Bibliothek des Instituts für Japanologie der Universität Wien. *Wiener völkerkundliche Mitteilungen*, XIX.JG., N.F., Bd. XIV, Wien. p. 35.
- Slawik, A., Kreiner, J., Linhart, S. & Pauer E. (1975) Einleitung, Problemstellung, Planung und Durchführung des Projekts. In: *Aso: Vergangenheit und Gegenwart eines ländlichen Raumes in Südjapan*. Band I. Einführung und Überblick. (= Beiträge zur Japanologie; 12). Wien: Institut für Japanologie der Universität Wien. pp. 11–35.
- Slawik, A. (1975) Das Aso-Land als natürlicher Raum. In: *Aso: Vergangenheit und Gegenwart eines ländlichen Raumes in Südjapan*. Band I. Einführung und Überblick. (Beiträge zur Japanologie; 12). Wien: Institut für Japanologie der Universität Wien. pp. 36–55.
- Stocking, G.W. (1995) Delimiting Anthropology: Historical Reflections on the Boundaries of a Boundless Discipline. *Social Research*. 62 (4). pp. 933–966.

Сведения об авторе:

ЛЮБИМОВА Наталья Сергеевна – младший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва, Россия). E-mail: lyubimova@iea.ras.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Nataliia S. Liubimova, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: lyubimova@iea.ras.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 27 августа 2025;
принята к публикации 6 ноября 2025.*

*The article was submitted 27.08.2025;
accepted for publication 06.11.2025.*